

Уланс
Кристианна Катули

Annotation

Двадцать пять лет. Уже не рассвет молодости, но и не закат ее. И именно тогда ей сказали, что жить осталось всего полгода. А что такое полгода? Стоит осень... Пережить ее и холодную зиму. Не увидеть переменчивой подружки весны и не почувствовать больше теплого летнего солнышка. Полгода.

Кристианна Капли

Шанс

*Когда мало времени, тут уже не до дружбы
— только любовь.*

Она глянула вниз — влажный асфальт блестел под светом фар проезжающих машин. Холодный, с мелкой снежной крупой ветер ударил в лицо, остужая горячую кожу, развевая темные волосы, забираясь невидимыми холодными пальцами под полы сорочки. Обхватив крепче пальцами оконную раму, Моника подалась вперед — навстречу ветру.

— Слезь, сумасшедшая! — раздался беспокойный голос за спиной.

Девушка обернулась — позади стоял Марк. Впервые, она видела его таким... испуганным. Обычно ангел умел держать себя в руках.

— Нет, — упрямо вздернула подбородок и сделала глубокий вдох, собираясь с силами для отчаянного поступка.

— Идиотка! Хочешь стать такой же как я?! — он был в ярости, однако, подойти ближе и силой стащить ее с подоконника не решался — боялся, что если шагнет к ней, то Моника прыгнет. А она и вправду была готова расстаться с жизнью... Все равно жить осталось недолго.

— Зато мы будем вместе.

— Выброси из головы эти фразы из сопливых романов и слезь! Поговорим! — в черных глазах бесновались огоньки гнева.

Она смотрела на Марка не больше пары секунд. Кивнула, показывая, что согласна на его условия. Да и пыл, который захватил ее в начале беседы, на холодном ветру остыл. Тем более, что палата находилась на пятом этаже и падать пришлось бы изрядно. Изрядно для того, чтобы передумать прощаться с жизнью.

— Сле-зай! — процедил сквозь зубы Марк.

— Хорошо, — она поддалась назад, но...

Внезапно мир перевернулся, перед глазами замаячили огненные всполохи, пальцы непроизвольно разжались... и Моника выпала в объятия ночи, стремительно летя к влажному асфальту. Белая сорочка на фоне черной приближающейся земли.

* * *

Двадцать пять лет. Уже не рассвет молодости, но и не закат ее. И именно тогда ей сказали, что жить осталось всего полгода. А что такое полгода? Середина лета. Пережить осень и холодную зиму. Не увидеть переменчивой подружки весны и не почувствовать больше теплого летнего солнышка.

Полгода.

Шесть месяцев. Она возненавидела эту цифру, постоянно прокручивая в голове тот роковой день.

Кабинет врача. Он зашел мрачный и остановился около стола. Снял очки и протер стекла рукавом. Она же сидела и сжимала пальцы от ожидания: с одной стороны

любопытство, гложет ее, как голодная собака кость, а с другой — страшно. Страшно узнать результат.

Моника не выдержала первой — подняла умоляющий взгляд на Петра Григорьевича и спросила:

— Ну?

— Мне жаль...

Термины и понятия, которые пытался втолковать ей врач, пролетали мимо ушей. Зацепилось только одно — полгода. 'Вам осталось жить полгода'.

Были и слезы. И отрицание. И другие врачи. И какие-то знахарки.

Два месяца ушло на то, чтобы слепая надежда наконец заснула глубоким сном в душе, уступив место отчаянию. Еще через полмесяца пришло понимание и страстное желание жить.

Моника пыталась наверстать упущенное за короткий срок: вечеринки от заката до рассвета, самые разнообразные наркотики, прыжки с тарзанки и парашютом, поездка в Таиланд — страну ее мечты.

Удивительно, как меняет человека тень Смерти, когда Старая уже стоит за его спиной. Так прошло три месяца — половина отпущенного срока. Утекли, как вода через пальцы.

Желание наверстать то, то казалось упущенным, затухло. Теперь Моника просто жила: она наслаждалась каждой драгоценной минутой, словно открыла для себя мир впервые.

А ведь так оно и было.

Было утро двадцать девятого сентября. Осень сдавала свои позиции зиме, которая, если верить некоторым преждевременным прогнозам, ожидалась теплая.

Солнце начало свой подъем, и первые лучи уже поползли по крышам серых и однообразных многоэтажек города. На улицах — люди, спешащие на работу. А дороги забиты автомобилями и транспортом, в салоне которого и не протолкнуться, наверное.

Запах кофе взбудрил. Добавив немного молока, она направилась в мастерскую. Хотелось закончить начатую картину.

Художница. Моника любила рисовать. Все началось с разрисовывания обоев в детстве, потом художественная школа, дизайнерский факультет... Пошло бы и дальше, если бы рука Судьбы не нажала внезапно кнопку «Стоп» на жизни девушки.

Собрав темные волосы в небрежный хвост и сделав глоток обжигающего напитка, она подошла к мольберту, где углем изображен город...

Солнце только взошло, но столица еще укутана дымкой утреннего тумана, который исчезнет через час, словно призрак. Небо местами темное, а местами светлое — красноватое у линии горизонта. Несколько кучевых облаков, пористые и воздушные — легкость разгорающегося утра.

Так она видела эту картину.

Моника поставила кружку на тумбочку возле мольберта, а взгляд снова поднялся к алому небу. Жаль, что его не видно из-за крыш домов. Но и не надо видеть, чтобы представлять, как встает этот желтый лентяй. Робко, словно боится, что его не ждут.

Девушка закрыла глаза, полностью отдаваясь полету фантазии. А когда открыла...

Это был первый раз, когда она Его увидела. Говорят, что на пороге смерти человек открывает в себе скрытые способности. Правда это или нет, но в то утро Моника встретила своего Проводника. Он стоял у окна и смотрел на просыпающийся город.

Высокий. Черные крылья сложены за спиной, создавая эффект своеобразного плаща.

Смоляные волосы зачесаны назад. Лица не видно — странный гость стоит спиной. Но Монике подумалось, что оно очень красивое.

Не ошиблась. Он обернулся. Черные пронзительные глаза. Правильные тонкие черты лица. Аккуратные губы. Мужественный подбородок.

Если бы не одно «но» — так веяло опасностью и холодом от незнакомца, что Моника предпочла уткнуться в мольберт, сделав вид, что не видит гостя.

Он также не обращал на нее внимание — просто стоял у окна и смотрел на спешащих по своим делам людей. Иногда в равнодушном взгляде проскакивали искорки интереса и... как успела заметить Моника — печали.

Что же могло опечалить его?

Ответ на вопрос девушка, естественно, не получила — мольберт остался молчалив. Как и незнакомец.

* * *

Прошел день.

Гость не проявил никакого внимания к девушке — его больше привлекал к себе пейзаж из окна или телевизор. Когда Моника включала какую-нибудь программу — незнакомец сразу же поворачивал голову и не без интереса смотрел новости или очередной сериал.

У художницы создалось впечатление, что его больше привлекает не сама суть, а жесты и разговоры людей. Как только Моника выключала его, внимание незнакомца пропадало. Он возвращался к виду из окна или рассматривал картины, все-также игнорируя хозяйку.

Та не решалась задавать вопросы — боялась холода, которым веяло от мужчины.

«Лучше сделать вид, что его нет», — вода углем по листу бумаги, думала она. — «Тем более с галлюцинациями не рекомендуется разговаривать... еще отвечать начнут».

Под вечер крылатый гость не ушел — он просто сидел на широком подоконнике и смотрел в окно — на раскинувшиеся сумерки, постепенно сменяющиеся темными оттенками подкрадывающейся ночи.

Моника готовилась ко сну — завтра утром ранний подъем. Выключив свет в комнате, удобно устроившись в кровати и накрывшись одеялом, она закрыла глаза.

Однако через несколько минут резко распахнула, так как услышала шум. Вслушавшись, успокоилась — это оказался включенный телевизор. Видимо, крылатый гость разобрался, как работает пульт.

Перевернувшись на другой бок, девушка улыбнулась.

Пусть и странный, но все-таки гость — теперь не одна.

Самое страшное, это умирать в одиночестве...

* * *

Прошла неделя, а таинственный гость никуда не исчез — он по-прежнему составлял Монике компанию. И не только дома, и на прогулках, встречах, даже в магазине.

Моника с ним свыклась и начинала тревожиться, если, обернувшись, не обнаруживала ставшей уже привычной высокой фигуры со сложенными за спиной крыльями.

За семь дней таинственный незнакомец не проронил ни слова, а его губы ни разу не дрогнули, хотя бы в кривом подобии улыбки.

Дни летели одни за другим, приближался холодный ноябрь, жизнь Моники привычно текла к своему концу... до которого оставалось все меньше и меньше.

Утром выпал первый снег — мелкие, колючие снежинки осели на промерзшую землю и оставались там пока осеннее солнце, с каждым днем становившееся все более и более скудным на тепло, не разогрелось. День обещал быть пасмурным — солнце спряталось за пеленой хмурых облаков.

— Пойдет дождь, — пробормотала Моника, стоя у мольберта.

Это картина приснилась ей после просмотра фильма «Куда Приводят Мечты»... засев в голову девушки во сне, идея не думала ее покидать и после пробуждения.

Пейзаж: золотистый песок, нагретый лучами жаркого солнца, разленившийся океан, чьи волны неспешно набегают на берег... Пейзаж, глядя на который отдыхаешь.

«Увижу ли я это после смерти?»

Рисунок был нарисован углем, и наступила очередь краски.

— Слишком много синего.

Девушка вздрогнула, услышав за своей спиной мужской бархатный голос. Рука, державшая кисть, чей кончик вот-вот должен был коснуться мольберта, замерла... Моника повернула голову и с изумлением воззрилась на ангела.

Тот стоял за ее спиной, абсолютно спокойный и, скрестив руки на груди, наблюдал за работой художницы. Моника уже успела привыкнуть к столь пристальному вниманию.

— Учту, — тихо ответила она.

Девушка не часто смотрела в глаза крылатого — от одного взгляда веяло таким холодом, что мурашки ползли по спине, однако она пересилила неприятное ощущение. Сначала глаза Проводника казались ей абсолютно черными, но сейчас, внимательно приглядевшись, она поняла, что они скорее темно-карие.

Ангел снова потерял к ней интерес, повернувшись к окну — снаружи заморосил мелкий дождь.

— Меня Моника зовут, — ей показалось, что надо что-то сказать.

— Знаю.

— А ваше имя?

Крылатый снова посмотрел на художницу.

— Марк.

— Приятно познакомится, Марк, — ответила и снова вернулась к прерванной работе.

За спиной раздался смешок, губы крылатого тронула легкая усмешка, а через пару секунд он произнес:

— Мне тоже.

Тот день стал днем их знакомства — двадцать пятое октября две тысячи пятого года. Днем, когда посланник Смерти сам того еще не понимая переступил невидимую грань между прошлым и настоящим.

* * *

— А что там? Ну, на той стороне?

Начало декабря.

Шел снег — крупные хлопья кружились на ветру. Первые числа месяца, а земля уже покрыта тоненьким белым ковром. Зима пожаловала рано. И синоптики как всегда ошиблись, предсказывая её мягкой и бесснежной.

Они гуляли по опустевшему парку: припорошенная снегом дорожка, голые деревья, дрожащие под порывами ветра, покрытый тонкой корочкой льда пруд. Все замерло в ожидании весны.

— Сложно объяснить.

— А ты попробуй, — настаивала Моника, дыша на замершие в перчатках ладони.

За месяц она и ее проводник сильно сблизились, теперь разговоры с Марком не ограничивались его замечаниями по поводу картин. Они говорили обо всем на свете: начиная от кулинарии и заканчивая такими темами, как жизнь и смерть. Последняя интересовала Моника больше всего, и Марк это прекрасно понимал. Поэтому все его ответы на сыплющиеся один за другим вопросы девушки были уклончивы и расплывчаты.

Вот, и сейчас ангелу приходилось выкручиваться. Запрет есть запрет.

— Это совсем другой мир.

— Он чем-то похож на наш?

— Отдаленно... Там нет времени суток, там нет материи — это сплошной поток энергии, первозданной энергии, где все и всё растворяется.

— Звучит как-то не очень уютно, — пробормотала Моника. — Почему же ты здесь?

— Я выполняю свои обязанности.

— Проводника?

— Верно, — кивнул ангел.

— И все могут видеть своих Проводников?

— Нет, ты первая такая оказалась в моей практике, — усмехнулся Марк, чем вызвал ответную улыбку у девушки. Та снова подышала на ладони, пытаясь отогреть заочневшие пальцы.

Они гуляли долго, и художница, в отличие от своего спутника, успела порядком замерзнуть. Вот, только желание возвращаться домой не появлялось, и прогулка продолжалась.

— Почему так?

— Понятия не имею, — пожал плечами Марк, — может, все дело в том, что ты умеешь видеть, что не замечают другие люди.

— Вроде, они смотрят, но не видят? — шутливо поинтересовалась та.

— Да. Вроде того.

Моника в задумчивости подняла голову, разглядывая свинцовое небо, потемневшее в преддверии наступающих сумерек. Снегопад стал сильнее. По щекам же стекали капельки влаги — растаявшие снежинки.

— Почему ты одна живешь? — внезапно последовал вопрос от ангела.

Он редко их задавал, обычно эту роль на себя брала Моника. Все-таки любопытство было ее неотъемлемой чертой. Такой же, как и вспыльчивость.

— У меня был любимый человек, но он ушел к другой.

— Он знает о твоей болезни?

— Да, — говоря, она подставила руки, ловя падающие хлопья, — он бросил меня, узнав о ней. Каково это быть посланником Смерти?

— Тяжело...

— ?

— Тебе отведено только место зрителя. Ты видишь все в человеческой жизни: ошибки, обманы, иллюзии и мечты, которым не суждено сбыться. Знаешь, это своего рода мое наказание: без возможности жить заново, я могу лишь наблюдать, получая от этого крохотные частички жизни... Я краду их у доверенных мне людей, живя с ними, делая тоже самое, что и они. Играю в жизнь.

Он замолчал.

Они прошли в молчании до конца парка, покинули его через арку и вышли на широкую улицу Армейскую, миновав которую ангел и девушка должны были попасть во дворы многоэтажек. А там и до дома недалеко.

— Ты замечательно рисуешь, — сказал Марк, когда они перебежали пустую дорогу.

— Спасибо.

— Нарисуй меня, — и заметив вопрос во взгляде девушки, пояснил. — Я хочу увидеть себя.

— В квартире есть зеркала... — начала было Моника, но ангел ее перебил.

— Я не могу видеть свое отражение... — спустя секунду Марк продолжил, — за прошедшие столетия и я забыл, как выгляжу... забыл, кем был.

— Для тебя это важно, и я нарисую твой портрет, — и без объяснений Моника понимала, как это значимо для Проводника.

— Спасибо, — и он улыбнулся.

Искренней и теплой улыбкой. Живой улыбкой, а не кривой язвительной усмешкой Темной Госпожи.

* * *

Марк расположился на диване: расслабленная поза, нога закинута на ногу, одна рука на подлокотнике, другая лежит на колене. Моника же сидела напротив него, на стуле и пристально вглядывалась в его лицо.

Тонкие аристократические черты лица, слегка раскосые глаза, изящный нос и губы правильной формы, аккуратный подбородок — невероятно красив той возвышенной, непостижимой красотой, вызывающей желание любоваться ею издалека. Иначе можно обжечься холодом.

Марк сидел неподвижно, и иногда Монике, водившей пастелью по бумаге, казалось, что ангел на самом деле прекрасное изваяние, неведомым образом оказавшееся в квартире. Только когда Марк поворачивал голову и смотрел на нее, девушка с облегчением прогоняла прочь из головы это сравнение — вот, он, живой. И он здесь — рядом.

Стемнело быстро — зимой это обычное дело. Когда время приблизилось к восьми часам, Моника закончила работу.

Увидев, что она отложила в сторону кусочек мела и вытирает измазанные пальцы припасенной салфеткой, Марк поднялся. Подошел...

Она с замиранием сердца наблюдала за его реакцией, но вместо похвалы или критики в свой адрес, девушка не услышала ровным счетом ничего... Только взглянув на ангела, художница поняла, в каком шоке он находился — расширенные от изумления глаза жадно

пожирали изображение, будто видели его впервые.

Молчание затягивалось, а напряжение внутри постепенно нарастало. Ей очень хотелось, чтобы работа понравилась Марку, но он не издал ни звука — просто стоял и рассматривал картину, изредка проводя в воздухе, в паре миллиметров от бумаги, пальцами, будто обводя черты лица.

— Тебе не нравится? — тихо спросила она.

Он наконец-то оторвался от портрета и взглянул на Монику. Проговорил приглушенным голосом:

— Нам говорили, что мы красивы. Я одновременно вижу здесь себя и чужака... Неужели во мне так много холода? — пальцы в воздухе повторили нарисованные линии.

Моника понимала, что сейчас лучше ничего не говорить. Плотину равнодушия ангела прорвало, и он открылся... первый раз за месяцы знакомства.

— Я помню голубые глаза, — продолжал он, снова глядя на портрет, — ясные, как чистое небо. А сейчас они полны темноты, той самой, которой так боятся люди после смерти.

— Я лишь передала то, что видела. Прости.

— Не надо извиняться. Мы посланники Смерти и не должны быть полны жизни. Я благодарен тебе за эту картину. Очень.

— Пусть тебе это будет моим подарком.

— Спасибо...

Моника взяла его за руку — ей это показалось необходимым в такой момент. И шестое чувство не обмануло — пальцы мужчины сжали узкую ладонь в ответ.

Белая, как снег, кожа была холодна, однако Моника чувствовала, как она постепенно согревается — её тепло передавалось ангелу.

— Тебе, наверное, неприятно, — он попытался убрать руку, но девушка только крепче стиснула пальцы.

— Прекрати. Ты не лед, как сам себя величаешь.

Он хмыкнул.

— Куда мне до вас, живых...

— Верно. Жаль, что только в конце понимаешь, как бесцельно свою жизнь потратила.

— Нет, — он мотнул головой и кивнул в сторону нарисованного портрета, — ты нашла себя в этом мире. А ведь многие люди теряются. И им очень сложно обрести себя вновь, потому что спохватились поздно.

* * *

Тридцать первое декабря — Новый Год. В небольшой гостиной был накрыт скромный стол — пара салатов, жареная курица с картофелем и пирожные. Рядом с восковым дедом морозом, на макушке у которого горел язычок пламени, стояла бутылка шампанского и хрустальный графин с красным вином.

Моника щелкнула пультом — включился телевизор. Теперь кроме свечей в изящных серебряных подсвечниках, комнату освещал и синий свет экрана.

— Скоро будет речь президента, — рассеяно, в пустоту произнесла девушка.

— Ты поступила крайне глупо, не согласившись отпраздновать с родными, — и пустота

ей ответила.

Повернув голову в сторону, Моника увидела замершего в дверном проеме ангела.

— Не хочу, чтобы они видели меня такой... — проговорила мрачно.

За последние два месяца она сильно похудела, вес резко прыгнул с шестидесяти килограмм на сорок восемь. Стала хуже кожа, волосы — цветущая красота молодости начала увядать под воздействием болезни.

— Они твои родственники...

— Поэтому пусть запомнят меня не ходячей грудой костей, а веселой и жизнерадостной Моникой, — оборвала ангела та, переключая с канала на канал. — Посмотри, какой стол лучше. Тебе нравится?

— Поиграем в праздник? — ехидно поинтересовался Марк.

— Да. Давай сегодня сделаем вид, что мы просто люди... Ты человек, я тоже: никакой смерти, никакого долга. Мы с тобой просто люди, мы просто празднуем такой простой праздник. Просто всё...

Глядя на сидящую на диване девушку, подобравшую к себе ноги, Марк кивнул, соглашаясь с идеей.

Когда Моника повернулась в его сторону — крыльев у ангела не было. Перед ней стоял парень, одного с ней возраста, одетый в джинсы и клетчатую рубашку, чей воротник небрежно расстегнут.

Заметив ее ошарашенный взгляд, Марк улыбнулся и взъерошил волосы.

— Мы просто люди. Забыла?

— Нет, — ее губы растянулись в ответной улыбке. — Прошу к столу.

Иногда игры нужны для выживания. Сладкие иллюзии — пилюли от горькой реальности.

Когда президент появился на экране, в бокалах весело шипело шампанское — пузырьки газа поднимались вверх, к белоснежному покрову пены.

Последние слова поздравительной речи, куранты бьют заветные двенадцать ударов...

Десять!

Они улыбаются друг другу.

Одиннадцать!

Поднимают бокалы, готовясь встретить новый две тысячи шестой год перезвоном хрусталя.

Двенадцать!

Сладкий вкус шампанского. Моника его почувствовала, когда ангел, притянув ее к себе, впился в пухлые губы девушки жадным поцелуем.

Желание разлилось по венам — девушка прижалась крепче к юноше, запустив пальчики в его жестковатые волосы. Его же руки скользнули вниз по талии.

Поцелуй прекратился также внезапно, как и начался — Марк в один момент оторвался от губ Моника, и когда та наконец открыла глаза, лукаво усмехнулся:

— Мы сегодня просто люди. Не забыла?

— Нет.

— Тогда может еще шампанского?

Танцующие в темных глазах бесенята подсказали девушке — это только начало игры.

— Давай.

Хмель кружил голову, но еще больше опьяняла страсть, жаром бегущая вместе с кровью по артериям. Она сладким туманом заволокла сознание, обнажила скрытые доселе желания, толкая к их исполнению.

Прикосновение прохладных пальцев к разгоряченному телу, то нежные, то страстные поцелуи, крепость мужского тела, прижимающего к себе женское, ее тонкие пальцы...

Она жадно хватала воздух, когда мужские пальцы сжали небольшую упругую грудь, и когда ангел слегка прикусил затвердевший сосок. Ногти сильнее впились в кожу на спине, оставляя после глубокие следы-полумесяцы, как только рука, еще недавно сжимавшая грудь, спустилась вниз: скользнула по животу, задержавшись и обводя пупок, затем игриво проводя прямую линию, спустились к лобку и, наконец, достигла заветной цели.

Приглушенный стон сорвался с ее губ, когда следом за пальцами, туда проник и язык Марка... Стеснение, вызванное ранее неизведанной лаской, почти сразу же было смещено наслаждением. Где только ангел этому научился, осталось для девушки загадкой, хотя она особо и не задавалась этим вопросом.

Она стонала, сжимая то и дело простыни, а он продолжал ее ласкать, обхватив узкие бедра.

Где-то там вдалеке лаяла собака, шумели машины, проезжая мимо дома, смех доносился из соседней квартиры, но это все доносилось лишь отголосками, будто комнату накрыл стеклянный купол.

Горячие дыхание партнера, сбивчивое и частое. Сердце, которое будто кувалда, билось в груди. И желание ощутить его, терзало изнывающее тело.

— Так, ведь нельзя да? — прижимаясь к нему крепче, прошептала Моника.

— Нельзя.

— Но...

— Забудь обо всем... Просто забудь...

И она забыла — не насовсем, на короткое время. Отпустила все то, что сдерживало ее... полностью отдалась ему и бурлившей внутри страсти.

Когда он вошел в нее, Моника сильнее прижала к себе мужчину, но вот короткая вспышка боли прошла, и её объятия стали расслабленной.

— Не уходи... — страх смерти и одиночества для нее сплелся в один тугой клубок, который то и дело давил в груди, напоминая о себе.

Вот, и сейчас настал этот момент, когда Моника испугалась потерять то единственное, что обрела, стоя почти у самого конца своего пути.

— Не уйду.

Просить смерть задержаться, потому что рядом больше никого нет. Она останется, потому что так же одинока...

Ирония циничной госпожи Судьбы, решивший в шутку соединить двоих и посмотреть, что из этого выйдет.

Не даром говорят, что утро вечера мудрее — утром приходит осознание: совершил ли ты ошибку или наоборот выбрал правильный путь. В ошибки Моника не верила. Она считала, что человеку всегда предоставлен выбор, и то, что мы все подразумеваем под ошибкой, есть ни что иное, как результат, не оправдавший наших ожиданий.

Она лежала, боясь открыть глаза. Было страшно: вчерашнее может навсегда остаться в прошлой ночи или дать начало чему-то новому... Неизвестность пугала: вдруг крылатый одумается и оттолкнет ее, понимая, что вчера перешагнул невидимую черту. А в том, что Марк поймет, что у него под ногами зыбкая почва, Моника не сомневалась.

Рука ангела лежала на ее талии, сам он спал рядом. Хотя девушка ни разу не видела его спящим, поэтому возможно, он просто лежал и ждал её пробуждения.

— Марк?

— Что? — он действительно не спал все это время.

— Произошедшее вчера... — она замолчала, почувствовав, как его пальцы легонько пробежали по спине: от плеча до поясницы, нежные, даже слегка игривые касания. Это был своего рода ответ на ее так и не произнесенный вопрос.

— Мне очень понравилось, — она повернулась на другой бок и оказалась в кольце его сильных рук, уже не таких холодных, как раньше. На губах ангела заиграла уже знакомая Монике лукавая полу-улыбка.

— Тогда можем повторить? — предложение было подкреплено нежным поцелуем.

— Почему бы и нет? — в тон ему ответила Моника и в следующую секунду ангел снова прижался к ее губам в страстном поцелуе.

Так началось утро первого января две тысячи шестого года.

* * *

А январь пришел внезапно — декабрь пролетел незаметно, и все чаще Моника посещала мысль, что это были самые счастливые дни в жизни. Марк оставался в облике человека, и девушка, находясь в коконе счастья, почти забыла, кем является ее любовник на самом деле.

Влюбленность будто открыла второе дыхание, а за спиной выросли крылья. Пусть данные сравнения и типичны при описании столь прекрасного чувства, как любовь, или подобного ему — влюбленности, однако Моника действительно была окрылена.

И ее друзья, те самые, что остались рядом, узнав о болезни, врачи, к которым на приемы навещалась девушка, родственники, с кем редко, но виделась, — все отметили, что она выглядит чудесно.

Может, болезнь отступила перед любовью?

Однако жизнь не сказка... и червь продолжал грызть организм изнутри. Он словно термит тихо делал свое дело, терпеливо ожидая результата трудной работы — краха всей конструкции, о чьи подпорки он так старательно точил зубы.

Иллюзия счастья разбилась в самый неожиданный момент, как это обычно и бывает... оставив после себя только поблескивающие в свете воспоминаний осколки.

— Ты будешь кофе?

Марк сидел за столом и смотрел в окно. Сегодня он был необычно мрачен и молчалив, прямо как в первые дни их знакомства. Моника давно не видела его таким, и змея тревоги, все это спящая, неприятно шевельнулась в пробуждении.

— Что? — он выплыл из своих раздумий только, когда девушка повторила вопрос. — Кофе? Да, с сахаром.

— О чем задумался? — разливая в кружки кипятков, спросила художница.

— Да так... о своем...

— Долг? — теперь беспокойство приподняло голову, заинтересовавшись сложившейся ситуацией.

— Вроде того, — еще один уклончивый ответ со стороны ангела, и Марк поднялся.

Подошел к Моники и взял у нее из рук кружку. Отпил горячей жидкости — его пустой взгляд снова устремился в окно, где валил сплошной белой завесой снег.

— Я тебя спросить хотела.

— М?

— Когда? — от волнения, внезапно охватившего ее, Моника, поставив кружку на стол, потербила край свитера.

Марк смотрел на нее не больше пары секунд, однако этого пронизывающего взгляда хватило художнице, чтобы понять: вопрос был лишний.

— Я не имею права такое рассказывать.

— Не обязательно дату, можешь назвать хотя бы месяц.

— Я не могу.

— Но ты знаешь?

— Знаю, — он поджал губы — жест, означающий, что тема беседы ангелу не приятна.

Моника это видела, однако, отступить от своего не хотела — ей слишком важно было узнать, когда же наступит конец... отпущенные дни проходили так быстро, что паника все чаще охватывала девушку — неизбежное приближалось, а желание жить только усиливалось. Что касается смирения перед превратностями судьбы, то оно не спешило появляться.

— Скоро? — продолжала допытываться она.

Ангел не ответил: он снова вернулся к созерцанию снега, попивая кофе маленькими глотками.

Он не ответил, однако не нужно было слов — Моника все поняла.

Скоро.

— Месяц назови...

— Зачем тебе это знать?

— Надо.

— Ты можешь просто жить... жить и не думать о конце. Жить, наслаждаясь моментами. Жить, не глядя ни в прошлое, ни в будущее — жить настоящим, — он говорил спокойным, ровным голосом, все-также глядя на нее.

— Не могу как видишь...

— Ты даже не пытаешься.

— Тебе легко так говорить! Ты ведь не умрешь через какие-то два гребанных месяца! — Моника сорвалась на крик — бесцветный голос Марка задел ее за живое.

— Да, я не умру, однако от этого мне не легче, — отчеканил ангел, и по стальным ноткам, просквозившим в его тоне, девушка догадалась, что зацепила мужчину тоже. Но отступить от своего она не собиралась, вопреки слабым надеждам Марка.

— Да ну? Ты проведешь меня на тот свет и вернешься в свое привычное спокойно-ледяное состояние. И чем же тяжела твоя доля, а?

— Успокойся.

— Скажи мне.

— Нет.

— Почему нет?!

— Я хочу, чтобы ты жила отведенные тебе дни, а не провела их в ожидании смерти.

— Ты хочешь так, а я хочу иначе. Скажи мне!

— Для тебя будет лучше...

— В жопу! — девушка от разбирающего ее гнева топнула ногой и закашлялась — в горле запершило. — Прекрати решать: что для лучше, а что нет. Это моя жизнь, и мне выбирать!

— Разглашение таких сведений вообще не входит в мои обязанности, — темный ангел обладал поистине... ангельским терпением.

— А секс со своими подопечными входит в твои обязанности? Неплохая работенка у Проводников, как я вижу! Хорошо устроились!

— Успокойся.

— Скажи мне месяц!

— Нет.

— Марк!

— Апрель, — ответил ангел, после того, как художница прижала ладони к вискам и лбу — внезапная вспышка боли оборвала скандал...

— Значит, весна... — пробормотала Моника, пытаясь справиться с головокружением, но ноги стали ватными, тело сковала свалившаяся слабость.

Сквозь туман, заволакивающий сознание, она почувствовала, как Марк взял ее на руки. Понес куда-то.

— Куда несешь?

— В спальню, — последовал короткий ответ.

— Я дура...

— Временами.

Ответ вызвал у Моника вымученную улыбку.

— По закону жанра ты должен был ответить что-то типа «Нет, что ты...» или «Понимаю. Бывает».

— Плохой сценарий... импровизация меня всегда привлекала больше, — он осторожно уложил ее, накрыл одеялом и заботливо поправил подушку.

— Смерть укладывает меня в постель. Ми-ми-ми просто...

— Отдыхай.

— Выключи свет, — тихо попросила, и через несколько секунд лампа потухла. А затем скрипнула дверь, закрываясь за покинувшим комнату ангелом.

Девушка закрыла глаза, полностью отдаваясь завладевшей телом слабостью... та быстро унесла ее в беспамятство.

* * *

А проснулась Моника от резкого и неприятного звука. Марка поблизости не было, и девушка, поднявшись, обула тапочки, найденные рядом с кроватью, и побрела в прихожую, где надрылся звонок.

— Иду!

Щелкнул при повороте ключа замок, и через образовавшуюся щелочку Моника смогла увидеть нежданного гостя.

— Артем? — спросила она, изумленно глядя на невысокого светловолосого парня.

Тот смущенно улыбнулся в ответ и кивнул. Попытался было пройти внутрь — Моника не позволила.

— Зачем пришел? — грубо поинтересовалась.

— Навестить.

— Не нуждаюсь в твоих визитах.

— Послушай, мне звонила твоя мама...

— О Господи, — тяжело вздохнула, прислонившись лбом к дверному косяку.

— И я пришел...

— Лучше бы ты вообще не появлялся, — отрезала девушка, краем глаза, заметив фигуру Марка за спиной. Заинтересованный разговором ангел стоял в дверном проеме и внимательно наблюдал за ними.

— Я знаю, что совершил ошибку.

— У меня что-то горит... Пока.

Попытка закрыть дверь закончилась провалом — Артем протиснулся внутрь, но Моника уже шла на кухню. Разговаривать с человеком, так подставившим ее, не хотелось, тем более слабость не прошла — короткий сон не очень-то и помог.

— Моника, нам надо поговорить.

— По-моему, нам не о чем поговорить.

— Я действительно сожалею о своем поступке... о том, что бросил тебя.

— Ты пьян? Или под кайфом? С чего это вдруг в тебе заговорила совесть?

— Не надо делать из меня чудовище!

— Я и не делаю. Я всего лишь констатирую факт.

— Но люди меняются...

— Звонок моей мамы все так поменял? Скажи, зачем ты пришел.

— Просить прощения.

— О, да... — язвительно отозвалась Моника — от гнева, разбирающего ее, тряслись руки и в голове снова застучали молоточки, но на вновь накатившую слабость девушка не обратила внимания — ей хотелось высказать в лицо бывшему все, что накопилось. — Пришел просить прощения у умирающей душеньки? Думаешь, что я тут от радости прыгать буду, раз такая особа пожаловала ко мне домой? Проваливай.

— Моника, не начинай.

— Это не я начала... Не я свалила утром, узнав, что моя девушка заболела! Это не я трусливо не брала трубку! Это не я делала вид, что не знаком с Моникой! Это не я на вопросы знакомых, о моем самочувствии, отвечал, что я замыкаюсь! Это не я сбежала от ответственности...

Врачи предупреждали, что нервничать опасно в таком состоянии...

Потом был приступ.

Уже где-то на грани всепоглощающей темноты и реальности, где боль будто тиски сковала тело и давила тяжестью на голову, Моника слышала, как Артем звонит в скорую... И увидела, как рядом с ней присел ангел — его прохладные ладони коснулись лба девушки, и она ушла — течения во второй раз унесли ее в царство сновидений.

На настенных часах длинная стрелка подбиралась к арабском девятке, а маленькая недавно миновала семерку. Час назад, как в больнице закончилось время посещений и в палатах воцарился тихий час. Только в одной поздний гость задержался: его, невидимого обычному оку, не спешили проводить к выходу медсестры, только что совершившие обход.

Он сидел, сгорбившись, на краю кровати. Эта ночь должна быть снежной и ветреной.

— Ты мне соврал... — голос Моники вывел ангела из раздумий — он тотчас обернулся. Девушка пришла в себя и сейчас смотрела на любовника усталым взглядом.

— Это не апрель, — продолжала говорить художница, пользуясь молчанием Марка, — не весна... это январь. Я права?

— Конец.

— Значит, жить мне осталось от силы недели две.

— Я не сумел тебе сказать правду. Прости, даже для меня, это оказалось тяжело...

— Не надо, — вяло отмахнулась Моника, — твои извинения все равно ничего не изменят. А обижаться и злиться я не собираюсь... ты не представляешь, какой глупостью кажутся все обиды, когда смотришь на них, оглядываясь.

— Представляю, — усмехнулся ангел грустно.

Моника молча обвела взглядом палату, где она находилась в одиночестве, и пришел ее черед усмехаться.

— Значит, Артем не поспешил на одноместную палату... Ну, хоть какой-то от него толк.

Марк промолчал. Он снова был в своем истинном облике: на бледном лице застыла маска равнодушия, сложенные черные крылья, сцепленные в замок руки и мрачный взгляд карих глаз.

— Мы с тобой еще встретимся?

— Вряд ли.

Через несколько секунд последовал следующий вопрос.

— Ты всегда был Проводником?

— Нет. Когда-то я был человеком.

— Тогда почему ты не оказался на Той стороне?

— Таким, как я, туда вход заказан.

— Таким как ты?

— Самоубийцам, — ответил ангел и, поймав непонимающий взгляд девушки, объяснил. — Каждый человек заключает договор со смертью при рождении... А Госпожа не любит, когда кто-то берет ее обязанности и самостоятельно отправляет себя на тот свет. Сделав это, становишься Проводником — проклятые Богом, отверженные людьми, мы несем свою службу, скитаясь между мирами. И ни в одном из них для нас нет покоя. Это своего рода наказание за то, что посмели наложить на себя руки.

— И ты...

— Повесился еще в прошлом веке... как оказалось, то война довела меня до ручки, — на тонких губах Марка заиграла кривая усмешка, — и вот, расплачиваюсь до сих пор.

Повисло напряженное молчание: ангел смотрел на девушку, пустой взор той был устремлен в невидимую точку на стене.

— Значит, я растворюсь в бесконечности, — пробормотала Моника, — навсегда...

— Это вечный покой. И он...

— К черту! — вспыльчивость была одной из черт художницы, и болезнь довела нервы до крайности. — К черту этой вечный покой! К черту растворение! Не хочу покидать этот мир! — она резким движением откинула одеяло, спустила ноги с кровати и поджала пальцы, коснувшись холодных плит. — Не хочу уходить! Не хочу тебя терять! — решительно, печатая шаги, Моника направилась к окну. — Пошли вы все со своими заведенными порядками!

Не успел Марк и опомниться, как она распахнула окно, взобралась на подоконник. Вот, глянула вниз и поддалась вперед...

— Слезь, сумасшедшая! — раздался беспокойный голос за спиной.

Девушка обернулась — позади стоял Марк. Впервые, она видела его таким... испуганным. Обычно ангел умел держать себя в руках.

— Нет, — упрямо вздернула подбородок и сделала глубокий вдох, собираясь с силами для отчаянного поступка.

— Идиотка! Хочешь стать такой же как я?! — он был в ярости, но подойти ближе и стащить ее с подоконника силой не решался — боялся, что если шагнет к ней, то Моника прыгнет. А она и вправду была готова расстаться с жизнью... Все равно жить осталось недолго.

— Зато мы будем вместе.

— Выброси из головы эти фразы из сопливых романов и слезь! Поговорим! — в черных глазах бесновались огоньки гнева, граничащего с яростью. Она смотрела на него Марка не больше двух секунд. Кивнула, показывая, что согласна на его условия. Да и пыл, который захватил ее в начале их беседы, на холодном ветру остыл. Тем более, что палата находилась на пятом этаже и падать пришлось бы изрядно. Изрядно для того, чтобы передумать. — Слезай! — процедил сквозь зубы Марк.

— Хорошо, — она поддалась назад, однако внезапно мир перевернулся вверх ногами, перед глазами замаячили огненные всполохи, пальцы непроизвольно разжались... и Моника выпала в объятия ночи, стремительно летя к влажному асфальту. Белая сорочка на фоне черной, приближающейся земли.

* * *

Она летела... но иллюзия полета испарилась, и открыв глаза, Моника поняла, что стремительно приближается к темноте, накрывшей улицу. От ветра, бьющего в лицо, брызнули из глаз слезы.

Она зажмурилась.

А земля тем временем неумолимо приближалась. Паника, зародившаяся в груди и вот-вот подкатившая, к горлу пропала — девушка ощутила, как чьи-то сильные руки подхватили ее, немного пронесли и опустили возле забора, окружающего больницу.

Когда Моника открыла глаза, она увидела Марка, стоящего рядом.

— Ты идиотка! — закричал он, как только девушка частично пришла в себя. — Ты хоть соображаешь, что могла разбиться в лепешку?!

Снег обжигал пятки холодом, но Моника не обращала на это внимание, изумленно разглядывая высокое здание госпиталя.

— Ну, и что? — спокойно поинтересовалась она у разозленного ангела. — Мне все равно на тот свет отправляться через парочку недель. Так почему нельзя совершить это путешествие раньше?

— Нет, так нельзя, — отрезал крылатый.

— Я просто хочу быть с тобой. Мне даже не страшно упасть с пятого этажа...

— Когда же до тебя наконец дойдет? — спросил ангел, подходя к ней ближе. — Наши чувства, наши эмоции, желания — все пропадает. В этот и состоит наказание: слуги Смерти, мы сами становимся, как она.

— Ты противоречишь сам себе. Ты же умеешь любить, смеяться, плакать, сочувствовать — ты остался человеком.

— Я берег в себе эти качества, — его голос понизился, — берег, растил, не давал исчезнуть, но ты бы не справилась с этим. Я бы так или иначе потерял тебя... Просто там ты была бы счастлива, а став, таким как я, от тебя бы осталась только одна оболочка. И больше ничего. Мы тьма, и тьма нас забирает, поглощает.

Слушая ангела, Моника опустила на снег — такой опустошенное она себя еще никогда не чувствовала.

Марк присел рядом, обхватил прохладными ладонями ее узкое лицо, слегка приподнимая, чтобы заглянуть в глаза.

— Он тебя любит.

— Что? — она с вопросом посмотрела на него. — О чем ты?

— Об Артеме. Он тебя действительно любит и очень сожалеет о содеянном. И в самом темном сердце есть частичка света, потому что если бы не было света, не существовало бы и тьмы. И в моем сердце есть тьма, но также там есть и свет...

— Марко, я не понимаю о чем ты, — начала было Моника, но ангел перебил ее — припал к губам в коротком нежном поцелуе.

— Тише. Мы можем обрести покой, если спасем жизнь человека... И сделаем это не ради себя, а ради него... Я могу спасти тебя, отдав частицу света.

Она хотела было возразить, но была остановлена медленным поцелуем.

«Словно прощается»

— Ты проживешь долгую жизнь, полную впечатлений: и удач, и неудач, у тебя появятся дети, внуки, — говоря, он положил ладонь на ее грудь, прикрыл глаза, слушая стук сердца.

Моника почувствовала, как она становится теплее... Девушка хотела помешать, но Марк заговорил первым, останавливая ее.

— Не надо, — произнес он мягко, — мы ищем покоя. И это просто чудо, что я нашел тебя. Ты подарила мне все, о чем я почти забыл мечтать... И теперь я прощен за свой поступок. Я могу уйти, но мое сердце будет в твоей груди... До самого последнего вдоха, я буду рядом.

Он еще один раз коснулся ее губ.

Моника продолжала чувствовать их теплоту, даже после того, как ангел исчез... Марк растаял в ночном зимнем воздухе, словно прекрасное видение. Будто сон.

Она протянула руку и словила снежинку — та превратилась в каплю и стекла по ладони вниз.

Это было воскресенье.

Седьмое января.

День, когда болезнь Моника, навсегда исчезла.

И с того дня по сей день бьется в груди сердце Темного Ангела — дар, которому нет цены.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

P.S. И стихотворение к рассказу от моей любимой Тани.

Часы настойчиво отсчитывают ритм.
Песком, сквозь пальцы, утекает время.
Не слышат небеса моих молитв.
Я ухожу, покинутая всеми.

Но появился ты, мой странный гость —
Незванный и невидимый другими.
И стала меньше боль и тише злость
И разум занят мыслями иными.

Ты виден мне, мой строгий проводник
— Неслышным призраком, за мной, скользящий.
Я будто снова стала настоящей,
Когда ты за плечом моим возник.

Люби меня, я все верну сполна,
Мне не о чем жалеть и время зыбко;
Любая мне расплата не страшна.
Веди меня, но дай уйти с улыбкой!

Не уходи, пусть дар бесценен твой,
Уже гляжу я в пропасть, не боясь.
Я не жила полнее, чем с тобой —
Мой чернокрылый ангел, смерть моя!

Lutien